

Генрих Гейне

Стихотворения

Аннотация

Генрих Гейне — одна из наиболее значительных фигур в истории немецкой литературы 19 века, придавший повседневному немецкому языку элегантную легкость.

Данная книга познакомит читателя с лучшими образцами романтической и реалистической лирики Гейне, вдохновлявшей знаменитых композиторов на создание музыкальных шедевров — песенных циклов, романсов, баллад.

Гейне — непревзойденный создатель любовной поэзии. Он мастерски варьирует описание сердечных переживаний, в которых краски восхищения, волнения и бурной страсти сменяются грустно-ироническими и меланхолическими оттенками.

Генрих Гейне

Стихотворения

*Перевод, А. Блока, Н. Добролюбова, Л. Мея,
М. Кузмина, П. Вейнберга, А. Н. Плещеева, А. Фета,
А. Майкова, П. А. Кускова, А. А. Григорьева, В. П.
Коломийцева*

Из «Книги песен» (1827)

*Прими же песнь, что чистым сердцем спета;
Да не пребудет жизнь моя бесследной!
Я знак любви тебе оставил бедный, —
Когда умру, не забывай поэта!*

«Я в старом сказочном лесу!..»

Я в старом сказочном лесу!
Как пахнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.
Иду иду — и с вышины
Ко мне несется пенье.
То соловей поет любовь,

Поет любви мученье.
Любовь, мучение любви,
В той песне смех и слезы,
И радость печальна, и скорбь светла,
Проснулись забытые грезы.
Иду, иду, — широкий луг
Открылся предо мною,
И замок высится на нем
Огромною стеною.
Закрыты окна, и везде
Могильное молчанье;
Так тихо, будто вселилась смерть
В заброшенное зданье.
И у ворот разлегся Сфинкс,
Смесь вожделенья и гнева,
И тело и лапы как у льва,
Лицом и грудью — дева.
Прекрасный образ! Пламенел
Безумьем взор бесцветный;
Манил извив застывших губ
Улыбкой едва заметной.
Пел соловей — и у меня
К борьбе не стало силы,
И я безвозвратно погиб в тот миг,
Целуя образ милый.
Холодный мрамор стал живым,
Проникся стоном камень, —
Он с жадной алчностью впивал

Моих лобзаний пламень.
Он чуть не выпил душу мне, —
Насытись до предела,
Меня он обнял, и когти льва
Вонзились в бедное тело.
Блаженная пытка и сладкая боль!
Та боль, как страсть, беспредельна!
Пока в поцелуях блаженствует рот,
Те когти изранят смертельно.
Пел соловей: «Прекрасный Сфинкс!
Любовь! О любовь! За что ты
Мешаешь с пыткой огневой
Всегда твои щедроты?
О, разреши, прекрасный Сфинкс,
Мне тайну загадки этой!
Я думал много тысяч лет
И не нашел ответа».

Песни

«Утром я встаю, гадаю...»

Поутру встаю я с мыслью:
Если б милая пришла!
Ввечеру ложусь с досадой:
Нет, и нынче не была!

5 И в ночи с моей тоскою
Я без сна лежу,
И в мечтах, как полусонный,
Целый день брожу.

1857

«Бродил я под тенью деревьев...»

Бродил я под тенью деревьев,
Один, с неразлучной тоской —
Вдруг старая греза проснулась
И в сердце впиалась мне змеей.
— Певицы воздушные! Где вы
Подслушали песню мою?
Заслышу ту песню — и снова
Отраву смертельную пью.
«Гуляла девица и пела
Ту песню не раз и не раз:
У ней мы подслушали песню,
И песня осталась у нас».
— Молчите, лукавые птицы!
Я знаю, что хочется вам
Тоску мою злобно похитить...
Да я-то тоски не отдам!

Дай ручку мне! к сердцу прижми её, друг!
Чу! слышишь ли, что там за стук?
Там злой гробовщик в уголочке сидит
И гроб для меня мастерит.

Стучит без умолку и день он и ночь...
Уснул бы — при стуке не смочь.
Эй, мастер! уж время работу кончать!
Пора мне, усталому, спать!

1856

Расстаёмся мы надолго...

Расстаёмся мы надолго,
Мой родимый городок.
Ясных дней моих могила,
Колыбель моих тревог.

И тебе порог священный,
Где любимых ножек след,
Посылаю свой последний,
Свой прощальный я привет.

О зачем дано мне было —
Встретить гордую её!
Не страдало б — не томилось

Сердце бедное моё.

Я молчал, не докучая
Ей признанием своим.
И дышать хотел я только
С нею воздухом одним.

Но меня отсюда гонят
Милой строгие слова.
Разорваться хочет сердце,
И поникла голова.

Потащусь дорогой пыльной
Бедный странник я, пока —
Где-нибудь в могиле тёмной
Не заснёт моя тоска.

Подожди, моряк суровый

Подожди, моряк суровый:
В гавань я иду с тобой,
Лишь с Европой дай проститься
И с подругой дорогой.

Ключ кровавый, брызни, брызни
Из груди и из очей!

Записать мои мученья
Должен кровью я своей.

Вижу, ты теперь боишься
Крови, милая? Постой!
Сколько лет с кровавым сердцем
Я стоял перед тобой?

Ты знакома с ветхой притчей
Про коварную змею,
Ту, что яблоком сгубила
Прародителей в раю?

Этот плод — всех зол причина:
Ева в мир внесла с ним смерть,
Эрис — пламя в Трою, ты же
Вместе с пламенем — и смерть!

Я сначала струсил, позже

Я сначала струсил, позже
Думал — этакий простак! —
«Не снести мне...» Вот и снёс же —
Но не спрашивайте: как?

Романсы

Бедный Петер

I

Ганс и Грета в танце идут,
Веселье кругом закипело.
А бедный Петер тоже тут,
И он — белее мела.
Ганс и Грета — с невестой жених,
И в свадебном блещут наряде.
Кусая ногти, Петер притих,
В отрепьях стоит он сзади.
И молвит тихонько про себя,
На пару глядя с тоскою:
«Не будь таким рассудительным я,
Сыграл бы шутку с собою!

II

В своей груди я боль держу,
И грудь от боли стонет.
Где ни стою я, где ни сижу,

Она всё с места гонит.
И гонит меня к любимой моей,
Как будто спасенье в Грете,
Но лишь взгляну в глаза я ей —
Места покину эти.
Взойду я на вершину гор
Один, зарю встречая.
И слезы мне туманят взор,
И горько я рыдаю».

III

И Петер ослабел вконец,
Он робок, бледен как мертвец,
То ступит шаг, то вновь стоит,
И на него народ глядит.
И хор девичий зашептал:
«Не из могилы ли он встал?» —
«Нет, девушки, он не таков:
Не встал, а лечь в нее готов.
Он потерял заветный клад
И гробу был бы только рад.
Всего спокойней лечь туда
И спать до Страшного суда».

Гренадеры

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли.
Дойдя до немецкой земли.

Придётся им — слышать — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болит моё скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ,
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола, ни двора.

Да что мне? Просить Христа ради
Пушу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император, в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я

Окончу солдатские дни,
Возьми моё тело, товарищ,
Во Францию! Там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце моё,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружьё.

И смирно, и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу.
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То он над могилою едет!
Знамёна победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

1846

Валтасар

Уж час полночный наступал;
Весь Вавилон молчал и спал.

Лишь окна царского дворца

Сияют: пир там без конца

В блестящей зале стол накрыт;
Царь Валтасар за ним сидит.

С царём пирует много слуг;
Не молкнет чаш весёлый стук.

Всё шумно: раб за чашей смел.
Строптивый царь повеселел.

В лице румянец запылал:
С вином он бешенство впивал.

Слепым безумством увлечён,
Поносит дерзко Бога он.

Нахально-дик его язык,
И рабских хвал неистов клик.

Сверкая взором, пьяный царь
Рабов ограбить шлёт алтарь.

И вот несут, склоня главы,
Всю утварь храма Еговы.

И царь коснеющей рукой,
Наполнив, взял сосуд святой.

Его он разом осушил —
И с пеной у рта возгласил:

«Я плюю, Бог, на твой алтарь!
Я Вавилона сильный царь!»

Ещё не смолк безумный крик,
Как трепет в грудь царя проник.

Угас мгновенно буйный смех —
И страшный холод обнял всех.

И вдруг, о ужас! на стене
Рука явилась в огне —

И пишет. Буквы под перстом
Переливаются огнём.

Недвижим царь и взором дик;
Дрожат колени; бледен лик.

Рабов сковал могильный страх,
И слово замерло в устах.

И ни единый маг не смог
Истолковать небесных строк.

В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы зарезали царя.

Разговор в дубраве

«Слышишь, к нам несутся звуки
Контрабаса, флейты, скрипки!
Это пляшут поселянки
На лугу, под тенью липки».

«Контрабасы, флейты, скрипки!
Уж не спятил ли с ума ты?
Это хрюканью свиному
Вторят с визгом поросята».

«Слышишь, как трубит охотник
В медный рог свой в чаще тёмной?
Слышишь, как ягнят сзывает
Пастушок волынкой скромной?»

«Я не слышу ни волынки,
Ни охотничьего рога, —
Вижу только свинопаса,
Что идёт своей дорогой».

«Слышишь пенье? Сладко в душу

Льётся песня неземная;
Веют белыми крылами
Херувимы, ей внимая...»

«Бредишь ты! Какое пенье
И какие херувимы?
То гусей своих мальчишки,
Распевая, гонят мимо».

«Колокольный звон протяжный
Раздаётся в отдаленьи;
В бедный храм свой поселяне
Идут, полны умиленья».

«Ошибаешься, мой милый:
И степенны и суровы,
С колокольчиками идут
В стойло тёмное коровы».

«Посмотри: между ветвями
Платье белое мелькает;
То идёт моя подруга,
Счастьем взор её блистает!»

«Вот потеха! Иль не знаешь
Ты лесничихи-старушки?
Целый день с клюкою бродит
У лесной она опушки».

Все вопросы фантазёра
Осмеял ты ядовито...
Одного ты не разрушишь,
Что глубоко в сердце скрыто...

1872

Сонета
(Моей матери, Б. Гейне, урождённой
фон Гельдерн)
С толпой безумною не стану

С толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать
И золочёному болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладан воскурять.
Я не поверю рукожатьям
Мне яму роющих друзей;
Я не отдам себя объятьям
Надменных наглостью своей
Прелестниц... Шумной вереницей
Пусть за победной колесницей
Своих богов бежит народ!

Мне чуждо идолослуженье;
Толпа в слепом своём стремленьи
Меня с собой не увлечёт!

Я знаю, рухнет дуб могучий,
А над послушным камышом
Безвредно пронесутся тучи
И прогудит сердитый гром...
Но лучше пасть, как дуб в ненастье,
Чем камышом остаться жить,
Чтобы потом считать за счастье —
Для франта тросточкой служить.

Лирическое интермеццо

В волшебном-светлом месяце мае

В волшебном-светлом месяце мае
Все почки распускались,
И в нежном сердце у меня
Мечты любви рождались.

В волшебном-светлом месяце мае,
Когда все птицы пели,
Я ей сказал, что я её
Люблю на самом деле.

Из слёз моих много, малютка

Из слёз моих много, малютка,
Родилось душистых цветов;
А вздохи мои превратились
В немолкнувший хор соловьёв.

Уж только б меня поллюбила —
Тебе и цветы я отдам,
И песнями станут баюкать
Тебя соловьи по ночам.

1856

Лилеею, розой, голубкой, денницей

Лилеею, розой, голубкой, денницей
Когда-то и я восторгался сторицей.
Теперь я забыл их, пленяся одною
Младую, родною, живую душою.
Она всей любви и желаний царица,
Мне роза, лилея, голубка, денница.

1857

Когда гляжу тебе в глаза

Когда гляжу тебе в глаза,
Стихает на сердце гроза;
Когда в уста тебя целую,
Душою верю в жизнь иную.

Когда склонюсь на грудь твою,
Не на земле я, а в раю...
Скажи «люблю» — и сам не знаю,
О чём я горько зарыдаю.

Давно задумчивый твой образ

Давно задумчивый твой образ,
Как сон, носился предо мной,
Всё с той же кроткою улыбкой,
Но — бледный, бледный и больной —
Одни уста ещё алеют,
Но прикоснётся смерть и к ним
И всё небесное угасит
В очах лобзаньем ледяным.